

ОБОСНОВАНИЕ ПРИЧИННОЙ ТИПОЛОГИИ ТЕКСТОВ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

О.И. Валентинова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
kaf_yazik_rudn@mail.ru

Статья посвящена методологическому обоснованию разрабатываемой О.И. Валентиновой концепции исторической типологии текстов. Впервые в филологической науке исследователь выдвигает идею осознания причинной типологии текстов через выведение основных исторических моделей соотношения формы и содержания, отражающих изменяющееся сознание: мифологическое, средневековое, светское. Обосновывая необходимость различения исторических периодов, нацеленных на многократное воспроизведение смыслоформирующих контекстов, и исторических периодов, устремленных к созданию смыслоизменяющих контекстов, автор объясняет предлагаемый ею принцип выделения образцовых для каждого периода текстов, отражающих или резко меняющих исторически обусловленный принцип соотношения формы и содержания, ставит вопрос о реконструкции динамической модели семантической структуры древнерусского и русского литературного языка и очерчивает пути его решения.

Ключевые слова: знаковая природа текста, причинная типология текстов, смыслоформирующие и смыслоизменяющие контексты, реконструкция динамической модели.

ВВЕДЕНИЕ

Если бы представление о том, что качество понимания зависит от степени соответствия метода исследования свойствам изучаемого объекта, стало общепринятым принципом работы с эмпирическим материалом, нам не пришлось бы доказывать то, что, казалось, не может не быть очевидным: **изучение таких семиотических систем, как текст и стиль, вне системного подхода не обладает объясняющей силой.**

Системный подход одновременно и достоверен, и экономен. Увидеть системообразующее начало — значит через немного объяснить многое. Иначе сложно остановить атомарность исследовательской мысли, искажающей существенные свойства объекта изучения.

В решении проблемы исторической типологии текстов вне системного подхода невозможно найти такой принцип (а не принципы) выведения типов текстов, который будет безупречно достоверным для сколь угодно протяженной истории становления, развития и изменения литературного языка, обладающего, как самая совершенная форма существования языка, наивысшим в каждой исторической точке смысловыразительным потенциалом. Иначе говоря, без системного подхода проблема исторической типологии текстов не решается, поскольку найти единый принцип выведения типов текстов — и значит решить эту проблему.

Знаковая природа текста как целого и типа текстов как целого более высокого порядка предполагает, что только такие тексты всею своею целостностью оказываются проявлениями некоторого общего типа, которые обнаруживают единый системообразующий принцип соотношения формы и содержания, знака и значения.

1. ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СООТНОШЕНИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

В непрерываемом течении времени исторически значимыми окажутся, с одной стороны, тексты, воспроизводящие некоторый исторически обусловленный принцип соотношения формы и содержания, с другой стороны — тексты, этот принцип разрушающие. Различение известного и нового трансформирует непрерывное время в дискретное, прерывистое, и, устраняя избыточность в описании, даст понимание Смысла происходящего: **причинная типология текстов будет осознана через основные исторические модели соотношения формы и содержания, отражающие изменяющееся сознание.**

Признание совершенной первичности эмпирического материала, как исходная точка движения мысли любой объяснительной науки, позволит избежать семиотических искажений, провоцируемых автоматизмом восприятия исследователя, проецирующего на некоторую возникшую на исторической шкале целостность представления, связанные и с исторически предшествующим опытом соотношения знака и значения, и с исторически последующим, и с параллельно действующим.

Проблема исторической типологии текстов ставилась В.В. Виноградовым, но в основании науки, которую В.В. Виноградов назвал историей литературного языка (русского литературного языка) и которая должна была решить эту проблему, были заложены парадоксы, препятствующие формированию методологического фундамента, определяющего и перспективы, и продуктивность любой области знания.

Одно из самых серьезных недоразумений вызвано тем обстоятельством, что признание текста объектом изучения истории литературного языка как науки оставалось и остается по большей части отвлеченным тезисом. В исследовательской же практике текст оказывался и оказывается скорее материалом для извлечения средств, в основном лексических, реже — конструктивных, того или иного происхождения (церковнославянского, древнерусского, западноевропейского). Понятно, что при таком подходе представление о тексте как о смысловой целостности, данной в содержательно обусловленных формах, вытесняется на периферию исследовательской мысли и системные принципы исследования остаются невостребованными.

Известная полемика о происхождении русского литературного языка — то ли из церковнославянского, то ли из древнерусского — имеет очень условное научное значение, ведь какой бы мы ни признали основу русского литературного языка — южнославянской или восточнославянской, отрицать опорного значе-

ния церковнославянского языка в формировании русского литературного языка не станет даже самый буквальный сторонник патриотических воззрений в вопросах познания. Сложившаяся в X—XII вв. уникальная культурная ситуация в первом государстве восточных славян имела языковое объяснение. Высочайшая степень структурной и семантической близости церковнославянского и древнерусского языков в этот период обеспечивала восприятие языка церкви, а значит, и языка средневековой науки и культуры, всеми слоями общества в той или иной мере.

Миф о двух типах древнерусского литературного языка оказался не менее устойчивым, чем миф о его происхождении. Сделанная когда-то последним в филологической науке ученым-энциклопедистом оговорка о том, что выведенные им книжно-славянский и народно-литературный типы — недоступные пределы проекции, на самом же деле внутри каждого текста существуют лишь бесконечные точки приближения то к одному, то к другому полюсу [5], почти позабылась, и абсолютизация условности, предпринятой некогда для удобства анализа, в очередной раз привела к мифологизации науки [6. С. 14—30]. Но и с учетом всех оговорок выведенные «типы древнерусского литературного языка», разрывая текст на разные точки притяжения, не станут типами текстов, а значит, не решат вопроса о типологии текстов.

Актуализацию системного подхода к исследованию текста как факта истории и стиля как факта истории может дать наука, в самом названии которой будет отражен угол воззрения на текст и стиль как явления исторические. Мы говорим об исторической типологии текстов, которая не может не быть системной типологией, но нам важно подчеркнуть уже в самом названии идею динамического исторически значимого изменения. Для понимания такой гибкой субстанции, как текст, который был и остается единственной исходной действительностью филологии, вне идеи изменения нет понимания происходящего: слишком велика опасность навязать узнаваемому по другой семиотической системе знаку несвойственное ему значение.

Очевидно, что **основные исторические модели соотношения формы и содержания станут отражением изменяющего сознания человека.**

Необходимость и достаточность изучения текста при такой постановке проблемы должна определяться, на наш взгляд, достоверно установленными текстуальными и внетекстуальными границами смыслоформирующего контекста, которые и позволили бы вывести **исторически обусловленный принцип соотношения содержания и формы, соответствующий определенному типу сознания: мифологическому, средневековому и светскому.** Имманентный анализ текста, не связанный с пониманием прошлого (как изменился принцип соотношения содержания и формы по сравнению с тем, что было) и будущего (как изменится принцип соотношения содержания и формы в дальнейшем), не даст и понимания настоящего — представленного в исследуемом тексте принципа соотношения содержания и формы.

2. НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗЛИЧЕНИЯ СМЫСЛОФОРМИРУЮЩИХ И СМЫСЛОИЗМЕНЯЮЩИХ КОНТЕКСТОВ

Значение слова, как известно, формируется только в контексте. Осознаваемым внеконтекстуально, иначе говоря — словарным, значение становится только после многократного воспроизведения контекстов, это значение формирующих. Если этому общеизвестному обстоятельству вернуть его исходную методологическую сущность, то станет очевидным, что понимание логики изменения семантической структуры языка, обусловливаемой изменением общественного сознания, оказывается объективно невозможным без различения исторических периодов, нацеленных на многократное воспроизведение контекстов, закрепляющих семантическую структуру слова, и исторических периодов, устремленных к созданию контекстов, меняющих прежние принципы организации семантической структуры слова. Конечно, мы каждый раз должны иметь в виду, что вектор изменения может проявляться в большей или меньшей степени. Наша задача — определить общее, а значит системно действующее, направление изменений.

Выделение образцовых для каждого периода текстов или системы контекстов, отражающих исторически обусловленный принцип соотношения формы и содержания или — напротив — резкое изменение прежнего принципа соотношения формы и содержания позволит реконструировать **динамическую модель семантической структуры древнерусского и русского литературного языка.**

3. ЛОГИКА ВЫДЕЛЕНИЯ ОБРАЗЦОВЫХ ТЕКСТОВ

Наиболее ранние из дошедших до нас памятников древнерусского литературного языка были созданы уже после принятия христианства, в эпоху начального русского средневековья. Правда, сохранились они в более поздних списках. В трагической истории средневековой Руси многое было утрачено. Но даже эти утраты не снижают остроты вопроса об отборе текстов, соотношении формы и значения в которых можно было бы счесть знаком средневекового сознания, определявшим все бытование человека в эту эпоху.

Понимание того, что средневековый человек во всей полноте своего бытия — человек религиозный, выводит нас на два «жанра» — литургийную проповедь и житие. Вписанные в пространственные и временные координаты литургийного действия — основного христианского богослужения, в котором совершается главное церковное таинство, литургийная проповедь, входящая в литургийное целое, и жития, читавшиеся в краткой форме после литургии (но не в римской церкви) и становившиеся частью богослужения, получали в средневековой жизни самого обширного слушателя и читателя, и потому не могли не отражать сознание средневекового человека, как не могли и не определять его.

Вот те основания, по которым мы полагаем, что исследование вершинных произведений этих «жанров» — литургийной проповеди XI в. будущего киевского митрополита Илариона, известной как «Слово о законе и благодати» [3], и составленного в период расцвета русской святости, в эпоху Сергия Радонежского,

иноком Троице-Сергиева монастыря Епифанием Премудрым «Жития Стефана Пермского», ставшего идеальным воплощением манеры изложения, получившей метафорическое название «плетение словес» [2], — сможет нас вывести на понимание причинной соотнесенности знака и значения в средневековом тексте, определяемой сознанием средневекового человека.

Отследить же в дальнейшем повреждение средневекового мирозерцания, обнаружить внутреннюю логику совершающегося надлома мы сможем с наибольшей степенью достоверности, если, оставаясь в пределах того же самого «жанра», в котором средневековое миропонимание проявлялось в наивысшей полноте, выйдем на обнаружение смыслоискажающих или смыслопреобразовательных (в зависимости от знака оценки) контекстов, задающих новый вектор соотношения формы и содержания как свидетельство исторически нового типа сознания. Именно поэтому обращение к семантической действительности «Жития протопопа Аввакума» становится объективно необходимым [3].

Теперь, отслеживая изменения, мы сможем реконструировать динамическую модель семантической структуры древнерусского и русского литературного языка. Реконструкция динамической модели позволит, в свою очередь, установить основной вектор исторического изменения семантической структуры русского литературного языка.

Становящееся зримым усиление тенденции к созданию смыслоизменяющих контекстов, направленных на **разрушение этической целостности семантической структуры средневекового слова**, позволит считать основным вектором исторического изменения семантической структуры русского литературного языка **десакрализацию**. На смену этической целостности семантической структуры древнерусского слова, когда покрытие духовного и плотского содержания, благородного и низменного, возвышенного и повседневного одной и той же буквенно-звуковой последовательностью — одним и тем же знаком — исключалось, приходит эпоха обмирщенного мировосприятия. Семантическая структура древнерусского духовного слова во вновь созданных контекстах разрывается плотскими смыслами. Литературные опыты А.С. Пушкина приведут к предельному обрушению высокого.

Но представлять выведенные в исторической типологии типы текстов как жесткую линейную последовательность бесповоротно меняющих друг друга сущностей было бы заблуждением, которое рано или поздно спровоцирует попытку приписать иллюзорно узнаваемой форме чуждое ей значение. История знает и временные возвращения к утраченному, и непрерываемое возобновление того типологически особенного соотношения формы и содержания, которое вышло за пределы своей первопричинной эпохи, перестало определять исторически новый тип сознания, но не утратилось. Раскрытие семиотической природы выделенного М.В. Ломоносовым «высокого слога» [4] и семиотической природы современных богословских текстов позволяет представление об отсутствии жесткой линейности в смене одного исторического типа текста другим сделать осязаемым.

С формированием светского сознания в русском обществе начинает формироваться категория стиля. Если под категорией стиля подразумевать некоторый

принцип отбора языковых средств, то станет понятно, что категория стиля по своей семиотической природе — сугубо светская. В этической ясности средневекового бытия понятия отбора не существовало: у духовного и обыденного не было точек пересечения, а значит, не было и возможности выбора тех или иных средств для их обозначения. Духовное и повседневное не смешивалось. Предопределенность в обозначении горнего и обыденного была основанием средневекового миропонимания.

К утверждению категории стиля приводит утверждение светского мировосприятия. Но будет ли верным свести теперь вопрос о причинной типологии текстов к вопросу о стилях, которые принято называть «функциональными» и связывать с «типами общественного сознания» и «типами общественной деятельности»? И какие изменения в соотношении знака и значения могут свидетельствовать о трансформации всей целостности уже светского общественного сознания? Ответ на этот вопрос надо искать, на наш взгляд, в уточнении вектора смещения соотношения между функциональными стилями «в пользу» одного из них. Нарушение условного равновесия между функциональными стилями всегда направленно. Увидеть это направление — и значит установить исторически значимое системно действующее изменение между знаком и значением, отражающее изменение общественного сознания. Исторические события не только сопровождаются, но и предвосхищаются изменением стилистических пристрастий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Только пристальное изучение такой динамичной субстанции, как смыслоформирующий контекст, достоверное уточнение его границ, позволит понять, сохраняется ли установленный ранее принцип соотношения знака и значения или автоматизм связей уже нарушился. Так в непрерываемом потоке текстов тысячелетней протяженности — от Киевской Руси до нашего времени — мы сможем различить основные исторические модели соотношения формы и содержания, отражающие изменяющееся сознание русскоговорящего человека.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Валентинова О.И.* «Житие пророка Аввакума»: история русского литературного языка сквозь призму жанра жития. М., 2012.
- [2] *Валентинова О.И.* «Плетение словес»: эстетика созерцания // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2014. № 3. С. 7—17.
- [3] *Валентинова О.И.* Причинные основания средневекового соотношения формы и содержания: литургийная проповедь митрополита Илариона // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2013. № 3. С. 5—17.
- [4] *Валентинова О.И.* Риторические правила высокого слога как универсальный ключ к мировоззренческому коду языка // Беларуско-русско-польское супатауляльное мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія. Віцебск, 2013. С. 134—137.
- [5] *Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958.
- [6] *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 5—216.

ARGUMENTATION OF THE ETIOLOGICAL TEXT TYPOLOGY: DEFINITION OF THE PROBLEM AND THE WAYS TO SOLVE IT

O.I. Valentinova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10—2a, Moscow, Russia, 117198
kaf_yazyk_rudn@mail.ru

The article deals with methodological argumentation of the theory of historical text typology developed by prof. O.I. Valentinova. For the first time in the philological studies the author puts forward the idea to realize the etiological text typology through creating basic historical models for denoting form-and content correlation which reflect changes in mentality and perception — mythological, mediaeval, secular. Stating the need to differentiate historic periods aiming at multiple procreation of sense-differentiating contexts, and those historic periods aiming to forming sense-changing contexts, the author works out the criterion to specify model texts for each period which are due to reflect or radically change historically approved form-and-content correlation thus raising point of reconstructing the dynamic model of semantic structure of Old Russian and Russian literary language and propones solutions.

Key words: symbolic nature of language, etiological text typology, sense-forming and sense-changing contexts, reconstruction of the dynamic model, semantic structure of literary language.

REFERENCES

- [1] Valentinova O.I. “Zhitie protopopa Avvakuma”: istoriya russkogo literaturnogo yazyka skvoz prizmu zhanra zhitiya. M.: Peoples' Friendship University of Russia, 2012.
- [2] Valentinova O.I. “Pletenie sloves”: estetika sozerzaniya [“Breezing words”: aesthetic contemplation] Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seria “Teoria yazyka. Semiotika. Semantika” [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series “Theory of Language. Semiotics. Semantics”], 2014, N 3. P. 7—17.
- [3] Valentinova O.I. Prichinnye osnovaniya srednevekovogo printsipa sootnosheniya formy i sodержaniya: liturgiynaya propoved mitropolita Ilariona [Aetiological Arguments of the ‘Form and Content Correlation’ Mediaeval Principle: Liturgy Sermon of Metropolitan Ilarion]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seria “Teoria yazyka. Semiotika. Semantika” [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series “Theory of Language. Semiotics. Semantics”], 2013, N 4. P. 5—17.
- [4] Valentinova O.I. Ritoricheskie pravila vysokogo sloga kak universalnyi klyuch k mirovozzhenchskomu kodu yazyka [Rhetorical rules of the «lofty style» as the universal key to language worldoutlook code] Belorussko-russko-polskoe sopostavitelnoe yazykoznanie, literaturovedenie, kulturologiya [Belorussian-russian-polish comparative linguistics, literary criticism, cultural studies]. Vitebsk, 2013. P. 134—137.
- [5] Vinogradov V.V. Osnovnye problemy izucheniya obrazovaniya i razvitiya drevnerusskogo literaturnogo yazyka [The main problems of the Old Russian literary language formation and development studying]. M., 1958.
- [6] Losev A.F. Dialektika mifa [The dialectics of myth]. Losev A.F. Mif. Chislo. Suschnost. [Myth. Number. Essence.] M., 1994. P. 5—216.